

FIVE YEARS
OF
THEOSOPHY.

*MYSTICAL, PHILOSOPHICAL,
THEOSOPHICAL, HISTORICAL AND SCIENTIFIC
ESSAYS,*

Selected from "The Theosophist."

LONDON:
REEVES AND TURNER
196 STRAND, W.C.
1885.

Перевод осуществлён по изданию: Five Years of Theosophy. Mystical, Philosophical, Theosophical, Historical and Scientific Essays Selected from "The Theosophist". London: Reeves and Turner, 1885.

Перевод на русский язык © 2023 г. Владимир Валентинович Базюкин.

Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-256-3. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

Мохини М. Чаттерджи

Гималайские Братья — существуют ли они?

"Просите, и дано будет вам; стучите, и отворят вам" — слова эти точно отражают положение искреннего искателя истины, пытающегося дать себе ответ на вопрос: а существуют ли Махатмы на самом деле?

Я не знаю ни одного человека, который, взявшись со всем пылом своего сердца за поиск ответа на этот вопрос, не был бы вознаграждён за свои труды точным знанием и твёрдой уверенностью. Тем не менее, существует масса людей, готовых вечно брюзжать и придирааться к мелочам, лишь бы только не брать на себя труд поиска доказательств, чтобы прояснить этот вопрос хотя бы для самих себя.

Как европейцы, так и часть наших соотечественников — чересчур европеизированных и, по большей части, университетских выпускников — относятся к словам о существовании Махатм с недоверием и сомнением, и это самое мягкое, что мы могли бы сказать об их позиции в этом вопросе.

Европейцев в этом смысле несложно понять: их интеллектуальный горизонт настолько чужд всему этому, они так глубоко убеждены в собственной самодостаточности, что пытаться пробиться сквозь их броню с подобными идеями — дело почти что безнадежное.

Намного труднее понять здесь позицию индийцев — людей, которые родились и выросли в атмосфере, глубоко пропитанной духом преданий и легенд, повествующих как раз о такого рода вещах, но, однако, и они заражены всё тем же скептицизмом.

Гораздо естественнее было бы для них, как раз наоборот, горячо приветствовать те доказательства, которые я собираюсь изложить здесь публично, и испытывать при этом такую же радость, какую переживает астроном, когда в поле его зрения вдруг оказывается новая звезда, о существовании которой он лишь долгое время терялся в догадках.

Всего два года тому назад я и сам был точно таким же маловером.

Во-первых, мне не только ни разу не доводилось лично наблюдать какие бы то ни было оккультные феномены, но я не находил и ни одного их очевидца в том узком круге своих соотечественников, к которому только и был приучен относиться с должным почтением, — то есть в среде представителей "просвещённых классов".

И лишь в октябре 1882 года я наконец нашёл время, чтобы удостоить своим вниманием эти вопросы. И что же? В конечном счёте у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что Махатмы действительно существуют, и это так же верно, как и то, что существую я сам.

Теперь я просто знаю это. Что же касается тех подтверждений их существования, которые я тогда получал, то им ещё долгое время не доставало полной объективности. С одной стороны, многое из того, что представляется мне совершенно убедительным, может показаться вовсе не таким уж убедительным и читателю, а с другой, я не имею права приводить здесь те неопровержимые свидетельства, которыми обладаю сейчас. Поэтому мне придётся с максимальной пользой обойтись тем малым, о чём мне позволено сообщить читателю.

Данные, которые я привожу в настоящей статье, думается, будут в состоянии убедить любого человека, способного в должной мере оценить их доказательную силу.

Предлагаемые сегодня вниманию широкой публики свидетельства были собраны мною в течение октября-ноября 1882 года. Тогда же я представил их и некоторым руководящим членам Теософского общества, в том числе и г-ну Синнетту. Однако в то время готовился вот-вот выйти в свет рассказ нашего брата Рамасвамира о состоявшейся у него в Сиккиме собственной беседе с его гуру, а потому они и сочли публикацию настоящей статьи совершенно излишней.

После этого в некоторых кругах последовала попытка притушить то впечатление, которое на читателей произвели свидетельства г-на Рамасвамира: его рассказ был ни с того ни с сего назван "галлюцинациями полужамёрзшего бродяги-чиновника", и тогда мне подумалось, что положение можно во многом исправить, если опубликовать показания ещё одного, совершенно самостоятельного источника, которые, возможно, имели бы даже ещё бóльшую ценность, но при этом носили бы несколько иной характер.

С этими словами, объясняющими запоздалую публикацию настоящей статьи, я и передаю её теперь на суд наших друзей-скептиков. Пусть они спокойно всё обдумают и затем вынесут свой вердикт по поводу свидетельств тибетского торговца из Дарджилинга, а свидетельства эти, к тому же, подтверждаются ещё и показаниями молодого брахмачарина из Дехрадуна. При засвидетельствовании показаний и того, и другого присутствовали только люди, пользующиеся безупречной репутацией, а кое-кто даже входит в число самых первых лиц индийского общества.

Некоторые из них не только не являются членами теософского движения, но и крайне недружелюбно к нему настроены. Да и сам я, повторяю, в те дни относился к подобным вещам с немалым скептицизмом. И только когда я начал собирать приведённые ниже свидетельства, когда ко мне в руки стали стекаться то одно, то другое доказательство реального существования моего обожаемого учителя, Махатмы Кутхуми, который

— совершенно независимо от г-жи Блаватской, п-ка Олькотта, не говоря уже о тех, кто сам говорит о себе как о "чела" — самыми разными путями подавал мне очевиднейшие знаки своего присутствия, я окончательно распрощался с этой блажью — сомнениями по поводу его существования. Теперь я уже не просто верю — я ЗНАЮ. А обладая этим знанием, я хочу, чтобы и все другие обрели такое же знание.

Приехав в Дарджилинг, я поселился в доме, в котором уже проживало несколько теософов. Всё это были пылкие искатели более возвышенной жизни, и, как и я сам в то время, они по большей части высказывали сомнения в существовании гималайских Махатм.

Впрочем, в Дарджилинге мне довелось встретиться и с людьми, называвшими себя учениками гималайских Братьев. По их словам, они не только виделись с Братьями, но даже жили у них многие годы. Наша недоверчивость у них вызывала смех. Один из них как-то раз и показал мне изумительно выполненный портрет человека, который, по его словам, отличался невероятной святостью. Это, сказал он, Махатма Кутхуми (ныне мой обожаемый учитель). Именно ему впоследствии и посвятил г-н Синнетт свою книгу "Оккультный мир".

Через несколько дней после моего прибытия в Дарджилинг ко мне по случаю зашёл тибетец по имени Сандук. Он зашёл, чтобы продать мне кое-что из своего товара. Его знает весь Дарджилинг, включая окрестности, поскольку уже многие годы он занимается здесь торговлей разной мелочью тибетского изготовления.

Каждый год он возвращается из Тибета в Индию, как того требует его торговое ремесло. Несколько раз он заходил к нам, пока мы жили в Дарджилинге, и своей простотой, чувством собственного достоинства и приятным обхождением произвёл на нас впечатление человека, уже самой природой наделённого благородством. Вы не нашли бы в нём ни одной черты, даже отдалённо напоминающей нравы нецивилизованных дикарей, каковыми тибетцы выглядят в глазах европейцев. Скорее вы могли бы принять его за искушённого царедворца, хотя ни один царедворец по благородству души не годился бы ему и в подмётки.

В один из его приходов я как раз оказался дома. Он явился ко мне в сопровождении юноши-гуркха по имени Сундар Лалл. Этот молодой человек служил в редакции газеты "Дарджилинг Ньюс" и выступил у нас в роли переводчика. Вскоре, однако, мы обнаружили, что тот своеобразный диалект хинди, на котором изъяснялся тибетец Сандук, вполне понятен некоторым из нас и без переводчика, а потому в дальнейшем мы уже обходились без услуг молодого гуркха.

В первый раз мы задали нашему гостю несколько самых общих вопросов о Тибете и о секте гелугпа, к которой, по его словам, он принадлежал, и ответы его вполне совпадали с теми описаниями Тибета, которые мы знаем по книгам Богля, Тёрнера и других путешественников. На второй же день мы спросили у него, доводилось ли ему слышать о каких-нибудь людях в Тибете, которые, помимо высоких лам, также обладали бы сверхобычными способностями. Такие люди действительно есть, сказал он, но это не обычные ламы, они гораздо более могущественны и живут в основном в горах за Шигадзе, а также близ города Лхасса.

Эти люди, сказал он, умеют производить самые удивительные феномены, они просто творят "чудеса", а кое-кто из их учеников, чела или лоту, как они называются в Тибете, могут даже исцелять больных, дав им поесть рису, который собственноручно вышелушивают.

И тут одному из нас пришла в голову блестящая мысль. Не говоря ни слова, он вынул тот уже упомянутый мною портрет Махатмы Кутхуми и показал его тибетцу. Несколько секунд тот молча вглядывался в него, а затем, точно внезапно узнав его, склонился перед ним в почтительнейшем поклоне, сказав, что на портрете изображён некий чохан (махатма), с которым ему уже доводилось ранее встречаться. Тут же он принялся торопливо описывать нам одежду Махатмы и его обнажённые плечи, а затем, решив подкрепить свои слова делом, он снял с себя верхнее платье, обнажил руки до плеч и одеждой своей стал точь-в-точь походить на человека, изображённого на портрете.

Когда он повстречался с этим Махатмой, того, по словам тибетца, сопровождала большая группа аскетов-гелунгов. Случилось это примерно в такое же время, только годом ранее (в начале октября 1881 г.), в местечке Гьянси (Giansi), что в двух днях пути к юго-западу от Шигадзе, куда ходил наш рассказчик для закупки товаров. Как же звали того Махатму, спросили мы, и к безграничному нашему удивлению, он сказал: "Зовут их Кутхум-па". Перебивая друг друга, мы забросали его вопросами о том, что он имеет в виду под словом "они"? Говорит ли он об одном человеке или сразу о нескольких?

Кутхум-па — это не один человек, ответил нам он, их много. Но это имя носит лишь один человек, который стоит над ними. Ученики же, как принято, носят имя своего гуру. Из этого следовало, что Кут-хум — это имя учителя, а его ученики называют себя "Кут-хум-па". Разобраться во всём нам помог тибетский словарь, из которого мы узнали, что слово «па» — значит "человек". Например, выражение "Бод-па" переводится как "человек из Бода, то есть из Тибета". По аналогии с этим "Кутхум-па" означает "человек или ученик Кутхума или Кутхуми".

И вот однажды, рассказывает наш тибетский торговец, этот Махатма во время своих странствий остановился на привал в упомянутом местечке, устроившись прямо в чистом поле. К нему-то и отправился самый известный во всей округе богач. Он попросил Махатму даровать ему своё благословение, посетив его жилище. Однако Махатма сказал, что ему неплохо и там, где он остановился, поскольку долг его состоит в том, чтобы благословлять весь мир, а не отдельных людей. Собрался народ.

Люди, в числе которых был и Сандук, хотели вручить Махатме свои подношения, но тот велел всё это раздать беднякам. А с Сандука Махатма взял обещание вести торговлю честно, никого не обижая. Это, предупредил его Махатма, единственный верный путь к благополучию.

А вот в Индии, сказали мы нашему торговцу, люди не хотят верить в то, что тибетские Братья действительно существуют. Услышав это, он вызвался взять с собою в Тибет любого из нас в качестве свидетеля, чтобы через него убедить нас в том, что упомянутые им Братья — не выдумка.

Если таких людей, как Братья, не существует в Тибете, заметил он, то хотелось бы знать, в каких местах ещё они могли бы существовать? Мы объяснили ему, что многие не верят в то, что такие люди вообще могут существовать на земле. При этих словах он не на шутку рассердился.

Закатав рукава своей рубашки по плечи и обнажив свои крепкие мускулы, он объявил, что готов драться с каждым, кто посмеет заподозрить его во лжи.

А затем мы показали ему удивительные чётки, принадлежащие госпоже Блаватской. Взглянув на них, наш торговец сказал, что вещь эта может быть только подарком от самого Таши-ламы, поскольку такие чётки невозможно достать нигде ни за какие деньги на свете. Тогда находившийся среди нас чела набросил на себя безрукавку и попросил его по одежде догадаться, кто он таков.

Ты — гелунг, отвечал тибетец и тут же, без малейшей тени смущения, отвесил ему низкий поклон, точно всё это было совершенно в порядке вещей. Свидетелями этой истории были заместитель берхампурского судьи Бабу Нобин Кришна Баннерджи, мадурский чиновник (штат Мадрас) М.Р.Р. Рамасвами Авергал, упомянутый выше юноша-гуркха, члены семьи Бабу Нобина Кришны Баннерджи и автор этих строк.

А вот ещё одно убедительное свидетельство. На сей раз оно дошло до меня по воле чистого случая. Историю эту я узнал от одного бенгальца-брахмачарина. В то время он только что вернулся из Тибета и остановился в Дехрадуне, что в северо-западной провинции Индии, в доме деда моей жены, у достопочтимого Бабу Девендры Натха Тагора, члена общества "Брахмо Самадж". Рассказ этот я услышал совершенно неожиданно для самого себя, и поведан он был в присутствии нескольких достойных всяческого уважения свидетелей. Вот что он сообщил нам тогда.

Случилось это 15 числа бенгальского месяца асар в прошлом (1882) году, то есть на двенадцатый день растущей луны. Именно тогда он и повстречался с группой тибетцев, которые именовали себя "Кутхумпа", и с их гуру. Встреча эта произошла в поле близ Таклакхара — в местечке, расположенном в одном дне пути от озера Манасаравара. Поверх нижнего платья красного цвета на гуру и большинстве его учеников, называвшихся гелунгами, были надеты безрукавки. Гуру выделялся среди всех чрезвычайно светлым цветом своего лица. Волосы на голове его были не расчёсаны на пробор, а закинута назад, и они, струясь, ниспадали на самые его плечи. Когда брахмачарин впервые увидел Махатму, тот читал какую-то книгу. Как объяснил брахмачарину один из гелунгов, то была "Ригведа".

Гуру поздоровался с ним и спросил, откуда он идёт. Узнав, что тот остался без еды, гуру велел принести ему толчёного горошка (сатто) и чаю. А увидев, что тому нечем разжечь огонь, чтобы приготовить себе пищу, гуру попросил принести ему коровий кизяк, которым обычно растапливают огонь как в их стране, так и у нас.

Он взял один кизяк, слегка дунул на него, и тот загорелся. Затем горящий кизяк он передал нашему брахмачарину. Этот брахмачарин горячо уверял нас, что много раз собственными глазами видел, как тот же самый феномен производил и другой гуру, или чохан, как эти люди зовутся в Тибете. Жил тот гуру в Гаури — местечке, находящемся в одном дне пути от северного склона горы Кайлас. Как-то раз к тому гуру явился пастух, который страдал от мучительного ревматизма. Из собственных рук гуру дал ему несколько рисовых зёрнышек, очищенных от шелухи, и больной тут же выздоровел.

Перед самым прощанием с "Кутхумпа" и их гуру наш брахмачарин узнал, что идут они на праздник, который будет проводиться на берегу озера Манасаравара, а оттуда собираются проследовать к горам Кайласа.

Свой рассказ этот брахмачарин повторял затем много раз в присутствии, например, Бабу Двиджендера Натха Тагора из Джорасанко в Калькутте; Бабу Калли Мохана Гхоша из проекта геодезического исследования Индии (г. Дехрадун); Бабу Калли Кумара Чаттерджи, происходящего родом из тех же мест; Бабу Гопи Мохана Гхоша из Дакки; Бабу Прийя Натха Шастри, секретаря Бабу Девендера Натха Тагора, и автора этих строк.

Всё вышеизложенное как будто не требует особых комментариев, и, на взгляд любого беспристрастного и умного судьи, факты как будто сами говорят за себя. Но, право, человеческое нежелание узнавать что-то для себя новое, как и страсть к злонамеренному искажению правды со стороны злопыхателей не знают пределов. Да, приведённые здесь свидетельства не представляют из себя чего-то из ряда вон выходящего. Встреча с обоими свидетелями произошла по воле случая.

И даже если допустить, чего я лично не допускаю ни на минуту, будто с торговцем из Тибета, Сандуком, беседовало лицо явно заинтересованное, и только в угоду ему тот рассказал небылицу, то что мы должны думать о мотивах брахмачарина? Ведь он принадлежит к религиозной школе, известной своей правдивостью. Кроме того, даже не догадываясь о том, насколько глубоко автор этих строк интересовался подобными вещами, как мог бы он сочинить свой рассказ, да ещё и так ловко, что в своих подробностях поведанное им совпадает со словами тибетца, сказанными в противоположном конце страны?

Разумеется, малообразованные люди склонны обманываться в целом ряде вопросов. Но здесь-то речь идёт о конкретных, разрозненных фактах, о вещах, которые ничем не выделялись из обычного ряда того, что рассказчикам приходилось много раз видеть собственными глазами и слышать собственными ушами. Всё это не имеет ни малейшего отношения к их личным мнениям или суждениям. Если мы видим, что рассказ торговца удивительным образом совпадает с рассказом дехрадунского брахмачарина, то, право, у нас уже не остаётся места для каких-либо сомнений в отношении правдивости рассказов как того, так и другого.

Особо здесь следует указать на то, что сообщение брахмачарина не явилось результатом серии каких-то наводящих вопросов. Нет, он сам, по собственной доброй воле, поведал нам о тогдашних своих странствиях, и при этом он почти не умел говорить по-английски, да и, насколько я знаю, он и слова-то такого, "теософия", никогда не слыхал.

Таким образом, если мы откажемся признавать эти два совпадающих друг с другом и совершенно независимых друг от друга свидетельства, представленные тибетцем-торговцем в Дарджилинге и брахмачарином в Дехрадуне, на том основании, что, дескать, они подтверждают такие факты, которые выбиваются из разряда знакомых нам по опыту вещей, то с нашей стороны это будет просто чистейшим безрассудством — вот и всё, что я могу сказать по этому поводу.

С другой стороны, у нас есть самые неопровержимые основания утверждать, что Махатма Кутхуми — это такой же живой человек, как и любой из нас. Об этом говорят свидетельства ряда его собственных чела, как и показания двух видевших его независимо друг от друга людей.

Теперь остаётся лишь надеяться на то, что приведённые здесь доказательства навсегда рассеют всякие сомнения у людей, хотя и верящих в реальность оккультных феноменов, но приписывающих их посредничеству со стороны неких "духов".

И ещё на одно обстоятельство хотелось бы обратить здесь особое внимание. Мне могут заметить, что в то время, когда в Дарджилинге находился тот тибетский торговец, там же и в то же время находилась и г-жа Блаватская. А вдруг она заплатила торговцу деньги (!!!) за это его свидетельство? Но как нам тогда быть с показаниями дехрадунского брахмачарина? Ведь он не был знаком ни с тибетским торговцем, ни с г-жой Блаватской, никогда и слыхом не слыхивал о п-ке Олькотте, поскольку только что вернулся из своих длительных странствий, и даже не догадывался о том, что я состою в Теософском обществе! Он рассказал о случившемся с ним по своей доброй воле.

Что же касается тех людей, которые не оспаривают существования Махатм, но говорят о недоказанности их связей с Теософским обществом, то мы хотим заметить для них, что не существует никаких оснований полагать, будто эти великие души *à priori* не могут интересоваться обществом, столь благосклонно настроенным по отношению к людям, как наше. А значит, отвергать с порога любые утверждения об этом означало бы наносить ничем не прикрытое оскорбление всем тем мужчинам и женщинам, что самозабвенно трудятся на этой ниве.

Я здесь намеренно обхожу стороной все те доказательства, что уже стали достоянием широкой публики. Каждый отдельный набор доказательств вполне убедителен и сам по себе, а все вместе они набирают такую силу, противиться которой уже не в силах никто.

От переводчика

Настоящая статья завершается в журнале следующим редакционным примечанием:

"От редакции. — Свидетельства из вторых рук отныне стали излишни. 20 ноября в 10 часов утра мы получили из Лахора две телеграммы. В одной из них п-к Олькотт уведомляет нас о том, что прошлой ночью его посетил Махатма "К.Х.", который пребывал в своём физическом теле. В другой телеграмме, полученной от г-на У.Т. Брауна, члена Лондонской ложи Т.О., говорится следующее: "Сегодня ранним утром меня посетил Махатма К.Х., который оставил мне на память шёлковый носовой платок" и т.д. Сегодня, 22 ноября, мы телеграфировали обоим этим господам, испрашивая у них разрешения объявить об этом долгожданном событии в журнале "Теософист". В ответ они сообщили нам, что о "визите Махатмы можно рассказать". Более того, прошлой ночью Учитель нанёс Председателю Общества [п-ку Олькотту — перев.], г-ну Брауну и г-ну Дамодару ещё и повторный визит, побывав возле их палаток. Он находился в своём физическом теле, и его сопровождал Джуал Кхул.

Теперь, если только наши друзья-спиритуалисты не пожелают включить ещё и третьего человека, г-на У.Т. Брауна, в число "западных юмористов", можно считать, что факт реального существования этого Махатмы вполне установлен. Один свидетель может ошибочно истолковать факты, и сомнению могут быть подвергнуты даже сообщения двух свидетелей. Но когда речь идёт о показаниях уже трёх свидетелей, подтверждающих один и тот же факт, имевший место на их глазах, то сомнения в этом случае будут уже признаны нелепыми любой судебной инстанцией.

Подробностей происшедшего мы ещё не успели получить, но, как нам сообщают, Махатма К.Х. сейчас направляется в Сиам и, вернее всего, будет в Мадрасе примерно через неделю. А значит, у нас есть все основания полагать, что наш Председатель и г-н Браун виделись с

Учителем, когда тот пребывал именно в живом, реальном теле, а не в своей астральной форме, как прежде. — РЕД. ТЕОС. "